

1 Лукино ВИСКОНТИ: «ЗА ЧЕМ НУЖНО ПРОШЛОЕ?..»

Мы уже сообщали, что итальянский кинорежиссер Лукино Висконти закончил, несмотря на болезнь, новый фильм, рассказывающий о распаде буржуазных семейных связей. Западная пресса сегодня много пишет об этом фильме, называя его еще одним шедевром Висконти и ставя в один ряд с такими его знаменитыми картинами, как «Земля дрожит», «Рокко и его братья», «Гибель богов», и другими. Недавно Лукино Висконти дал обширное интервью корреспонденту журнала «Эуропа», изложив в нем свои взгляды на собственное творчество и на состояние дел в итальянском кино. Мы предлагаем вниманию читателей сокращенный перевод этого интервью.

ЛИНА КОЛЕТТИ. От вашего последнего фильма, Лукино Висконти, сейчас все очень многого ждут. Говорят, что фильм «Семейная группа»... — автобиографическое произведение, глубоко личное...

ЛУКИНО ВИСКОНТИ. Нет, нет. Имейте в виду — это неправда. Ничего автобиографического в фильме нет. Разве что общее настроение, какие-то глубинные чувства... Ведь понятно, когда что-то создаешь, ты же не можешь раздвоиться: какая-то часть тебя самого как бы переливается в твою работу, и только. Кто «герой» моего фильма? Профессор. Человек, собирающий картины, живущий этой своей страстью. Мой профессор — человек одинокий, отгородившийся от мира. Он сам говорит: «Если бы я интересовался не произведениями искусства, а людьми, их проблемы

стали бы моими проблемами, и в конце концов я бы в них захлебнулся». А я не таков: у меня есть моя работа, меня окружают люди, я люблю людей, для меня главное — люди, а не произведения.

— Не потому ли и в новом фильме тема осталась для вас неизменной? Это люди, семья, вернее распад семьи, ее саморазрушение.

— Да, мои истории действительно таковы. Это истории распадающихся семейных групп. «Леопард», «Гибель богов»... Негативные истории, вы правы. Исключение составляет, пожалуй, «Земля дрожит»... Вы спрашиваете, почему так, почему они звучат у меня, как реквием. Потому что рассказывать о хороших, добрых чувствах легче, а о плохих — труднее. Да, моя излюбленная форма — трагедия. Я предпочитаю рассказывать о моментах, когда отношения между людьми обостряются до такой степени, что не могут дать начало ничему позитивному. И все же личные воспоминания здесь ни при чем, влияние моего прошлого опыта — ни при чем.

— Я не понимаю одной вещи. Если во времена фашизма вы дали зрителям «Одержимость» и осмелились показать на экране подлинную, народную Италию, в 1948 году создали фильм «Земля дрожит», а спустя еще несколько лет — реалистический фильм «Рокко и его братья», то по-

чему же потом вы обратились к совсем иным сюжетам? Почему стали интересоваться делами давно минувших дней, гибелью богов, всеми этими Людовиками, смертями в Венеции? Сегодня мир полон трагическими событиями, а вы предлагаете нам историю об одиночестве человека...

— Ваша наивность меня удивляет. Вы спрашиваете, почему я больше не снимаю чисто политических фильмов. А я вам отвечу, что все очень просто: для того чтобы снять фильм, нужны деньги; деньги вкладывают в фильм продюсеры; а продюсеры — это не те люди, которых волнует проблема социальной несправедливости. Продюсеры — дельцы, и иногда — очень скандальные. Их вечно терзают всякие страхи, да к тому же они по рукам и ногам связаны зависимостью от иностранного капитала.

Уж вы-то должны знать, что сейчас наше отечествен-

ное кино влечет за спиной груз американского доллара. А Соединенные Штаты, препятствующие установлению у нас в стране левого правительства, настроены решительно и непреклонно, и в этой области они требуют, чтобы кино не пробуждало сознание, никуда не звало.

— Но ведь... ведь есть люди, которые...

— Кто? Я оглядываюсь по сторонам — и никого и ничего не вижу. А если и вижу, то одни лишь провалы и неудачи.

— А Роза*, например?

— Роза была моим ассистентом, он вырос на моих глазах, я его очень люблю. Однако нельзя отрицать того, что и он изменил свой курс. Послушайте, продюсеры требуют другого: им подавай голое тело, подавай эротику. «Ладно, — говорят они, — если тебе уж обязательно нужно выступать с разоблачениями, то хоть сдобри эти разоблачения пикантными любовными сценами...» А поскольку от таких вещей я действительно отказываюсь, поскольку я сохраняю верность своему кино и хочу с ним остаться, я предпочитаю какие-то вещи вовсе не делать, раз уж выбор у ме-

* Франческо Роза — прогрессивный художник, фильмы которого — «Руки над городом», «Сальваторе Джулиано», «Люди против» — известны нашим зрителям.

ня один: либо компромисс, либо диктат продюсера. И все же вы не можете упрекнуть меня в том, что я безнаказанно убегаю в прошлое и — аминь. В конце концов, дорогая синьора, календарь не так уж важен: важны темы, идеи... Зачем нужно прошлое? Оно помогает объяснять настоящее. Потому что из каждого моего фильма, из каждого рассказа выпирает одна мысль: история повторяется. Диктаторский строй и в политической, и в культурной жизни всегда ненавистен, всегда ужасен. Да, я рассказываю о предательстве, об изменах, о больных клетках общества, о «пламенных» войнах. Но рассказываю, надеясь, что это больше никогда не повторится. Что символ семьи будет пересмотрен, переосвоен. Я уж не говорю о том, что мой последний фильм несет и политическую нагрузку: в нем говорится о «черных заговорах», о переворотах. И одного этого уже много для такой кинематографии, как наша. Подумать только, что ставка делалась на всяких там сампьеры, а сампьеры** перекинулись на показ хорошеньких актрис... Это ведь нетрудно, сами понимаете: если актриса привлекательна, «секси», то до-

статочно немного ее раздеть — и вот вам уже готовый жанр. Нет, нет, скажу прямо: моим молодым коллегам не хватает дыхания, они все рабы конформизма.

— Итак, ваш взгляд на мир кино остался неизменным. Еще двадцать лет назад в своем фильме «Самая красивая» вы показали некоторые его теневые стороны...

— Я сделал этот фильм потому, что хотел работать с Анной Маньяни. Это была такая поразительная актриса, такая необыкновенная женщина! После смерти все стали ее превозносить, а при жизни игнорировали, предпочитая ей всяких дурочек. Как, впрочем, и сейчас, многим. Наплевать на игру: была бы красивая фигура. Нет, нет, понимаете, если бы мне заново пришлось снимать этот фильм, сегодня я был бы еще пессимистичнее и еще суровее. Общая картина итальянского кино, как я уже сказал, не вдохновляет. Куда ни помотришь, всюду одна самонадеянность, идеи постепенно порастерялись, и многие пытаются заполнить абсолютную пустоту порнографией и самым мерзким насилием.

— Вы, кажется, собираетесь экранизировать «Волшебную гору» Томаса Манна?

— Да. Вот это действительно будет автобиографический фильм.

Искит. газета, 1945, 26/III, №13